

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА ЭКСПАНСИОНИЗМА: ПАРАДОКСЫ И ФОРМООБРАЗУЮЩИЕ КЛИШЕ

Е. В. Дегтярев

Магнитогорский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Магнитогорск, Россия
e-mail: ilos.magnit@yandex.ru

***Аннотация.** Представляется, что актуальность исследования экспансионизма очевидна. Важность философского анализа социальной экспансии определяется, прежде всего, значимостью влияния данного явления на развитие общества в ходе исторического процесса. На современном этапе тема успешного экспансионизма приобретает особое значение. Сегодня формируется глобальный порядок – новый вид управления социумом, который становится суверенной властью, своеобразным геополитическим субъектом, осуществляющим мировую экспансию. В силу этого феномен «успешного экспансионизма» представляет все больший интерес для исследователей как в политической, так и в правовой, культурологической, социальной, военной, экономической, идеологической и многих других сферах. В целях выявления и анализа глубинных факторов экспансионизма, осознания сущности этого явления, представляется актуальным исследование искусства экспансионизма с философских позиций. В современных условиях только государственные образования, овладевшие в необходимой мере «искусством экспансионизма», добиваются значимых результатов (достаточно вспомнить Китай, поднявший долю своего ВВП по паритету покупательной способности (согласно МВФ) с 2,3 % в 1980 г. до 18,3 % в 2017 г., опередив США). Поэтому целью нашего исследования (как специалиста в области философии) является обнаружение тех глубинных и, вместе с тем, типичных факторов, которые присущи экспансионизму как таковому. Методологию статьи составляют такие традиционные философские методы, как: диалектический метод, метод восхождения от абстрактного к конкретному, а также метод структурно-функционального анализа. Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые обнаружены два «стандартных» типа формообразующих клише экспансионизма, характерных для общественного развития, и выявлены сильные и слабые стороны каждого из них. Полученные в процессе проведенного анализа результаты (при желании) могут использоваться в своих разработках специалисты в области политологии, социологии, экономики, общественной психологии и других наук, а также политики и управленцы на практике, для создания в нашей стране успешной системы экспансионизма, способной выдвинуть Российскую Федерацию в число лидирующих мировых держав.*

***Ключевые слова:** экспансия, искусство экспансионизма, парадоксальность успешных экспансионистских систем, экспансионистские клише.*

***Для цитирования:** Дегтярев Е. В. Зарождение искусства экспансионизма: парадоксы и формообразующие клише // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 3. – С. 79–86. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-3-79.*

THE ORIGIN OF THE ART OF EXPANSIONISM: PARADOXES AND FORMATIVE CLICHES

E. V. Degtyarev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Magnitogorsk Branch), Magnitogorsk, Russia
e-mail: ilos.magnit@yandex.ru

***Abstract.** It seems that the relevance of the study of expansionism is obvious. The importance of the philosophical analysis of social expansion is determined, first of all, by the significance of the influence of this phenomenon on the development of society in the course of the historical process. At the present stage, the theme of successful expansionism is acquiring special significance. Today, a global order is being formed – a new type of governance of society that is becoming a sovereign power, a kind of geopolitical entity carrying out global expansion. Owing to this, in turn, the phenomenon of «successful expansionism» is of increasing interest for researchers in both political and legal, cultural, social, military, economic, ideological and many other fields. In order to identify and*

analyze the underlying factors of expansionism, to realize the essence of this phenomenon, it seems relevant to study the art of expansionism from a philosophical perspective. In modern conditions, only government entities that have mastered the «art of expansionism» to the necessary extent achieve significant results (suffice it to recall China, which raised the share of its GDP in purchasing power parity (according to the IMF) from 2.3% in 1980 to 18.3 % in 2017, ahead of the USA). Therefore, the goal of our research (as a specialist in the field of philosophy) is to discover those deep and, at the same time, typical factors that are inherent in expansionism as such. The methodology of the article is such traditional philosophical methods as: the dialectical method, the ascent from the abstract to the concrete, as well as the method of structural and functional analysis. The scientific novelty of the article lies in the fact that for the first time two «standard» types of formative clichés of expansionism characteristic of social development were discovered in it and the strengths and weaknesses of each of them were revealed. The results obtained during the analysis (if desired) can be used in their development by experts in the field of political science, sociology, economics, social psychology and other sciences, as well as politicians and managers in practice, to create a successful expansionism system in our country that can advance the Russian Federation of leading world powers.

Keywords: *expansion, the art of expansionism, the paradox of successful expansionist systems, expansionist clichés.*

Cite as: Degtyarev, E. V. (2020) [The origin of the art of expansionism: paradoxes and formative clichés]. *Интеллект. Инновации. Инвестиции* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 79–86. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-3-79.

Введение

Экспансия – социальное явление, сопровождающее функционирование общества на всем протяжении истории человечества. Это социальный феномен, имманентно присущий общественному развитию. В целях выявления и анализа глубинных факторов экспансионизма, осознания сущности данного явления, представляется актуальным исследование этого феномена с философской позиции. Мы определяем экспансию как особый вид общественного движения различных социальных образований (таких как этносы, народы, нации, государства и их объединения и т. п.), отличающихся их доминированием в одном или нескольких направлениях, таких как экономика, политика, контролируемые территории, военная область, культура, идеология и проч. Уровень благополучия или, напротив, неуспешности подобного доминирования в общественном «пространстве» [14] и «социальном времени», т. е. в истории, обуславливается степенью соответствия созданной правящей элитой «системы превалирования» существующим социальным, экономическим и прочим условиям. При этом, важнейшей задачей правящих элит является разработка и «настройка» «успешного функционирования» соответствующей системы экспансионизма, либо, в случае необходимости, замены ее на другую, более успешную.

Парадоксы экспансионистской системы Шумерской цивилизации

Мы полагаем, что анализ различных экспансионистских стратегий, существовавших в истории на предмет их успешности, позволяет сделать вывод о существовании интересного парадокса, который заключается в нижеследующем [3]. Чем изначально менее «объективных» возможностей (таких как

плодородные территории; легкодоступные полезные ископаемые; развитая инфраструктура; большое народонаселение; уровень исходного экономического развития и т. д.), и чем изначально более широкомасштабные цели ставит перед собой правящая элита в процессе создания и «пусконаладки» экспансионистской стратегии, тем более «радужными» оказываются перспективы последней. При этом мы полагаем, что доминирующими в подобных случаях являются вовсе не «объективно-вещественные» аспекты, а, напротив, «идеальные» (такие как «национальная идея», вера в богоизбранность этноса, протестантская этика, уверенность народа в собственных силах и т. д., вплоть до «американской мечты»), и веры в победу коммунизма во всем мире) [21]. При этом, особенно важным оказывается своеобразный «талант» (желание, воля) правящего класса ставить грандиозные (казалось бы, «объективно неисполнимые») задачи и концентрировать усилия социума в «нужном» направлении. Это его *умение* выявить, высвободить и направить энергию соответствующего общественного образования в нужном для успешного созидания русле (в военном, торговом, научно-техническом, колонизаторском или каком-либо ином). В самом деле, уже в Древности самые успешные экспансионистские стратегии воплощались, обычно, казалось бы, в самых «малоподходящих» местах [15] и самими «неподходящими» для этой роли этническими группами. Одной из первых подобной стала экспансионистская стратегема, воплощенная цивилизацией Шумеров в междуречье между реками Тигр и Евфрат. Казалось бы (на первый взгляд), более неподходящего места нельзя было отыскать во всем Древнем мире – кусочки земли среди болот. Из всех возможных «полезных ископаемых богатств» – в наличии только глина и тростник. Более того, из-

начально шумеры по всей видимости были «историческими неудачниками»: достаточно распространена точка зрения, в соответствии с которой, в данной далеко не райской местности шумеры оказались в силу изначальной слабости – сюда они были вытеснены более успешными и предприимчивыми соседями. Казалось бы, самой судьбой им была уготована участь «исторических неудачников», подобных многим этносам Азии, Африки, Полинезии, Австралии и проч., заставшим на столетия в своем развитии, постоянно воспроизводя устоявшиеся родоплеменные отношения и соответствующие культурно-экономические формы бытия. Однако, величайшая заслуга Шумеров перед человечеством состоит в том, что они (и, в первую очередь, изначальное их элиты) смогли принять «исторический вызов». Им удалось диаметрально преобразовать среду своего обитания [9]. Шумеры смогли (с помощью прорытых траншей) так преобразовать свои «кочки на болотах», что они превратились в плодородные поля. Параллельно им удалось эффективно использовать «все» имеющиеся «полезные ископаемые»: из кирпича (глина + тростник) Шумеры отстроили свои города, став в результате одними из основателей того, что определяется термином «городская культура» и, тем самым, своеобразными «провозвестниками будущего» [7]. Даже фактор «неблагоприятного расположения» не стал для них «камнем преткновения» (как через много столетий и для других успешных экспансионистов – венецианцев [9]). Напротив, благодаря этому они, как правило, успешно спасались от потенциальных завоевателей. При этом, с их уходом с «исторической арены» около 40 веков назад «на исторической сцене так и не появилось ни одного общества, которое хотело бы повторить подвиг отцов шумерской цивилизации» [24, с.115].

Доминирование Шумеров было ориентировано исключительно на «мирные» цели. В производственной сфере [8] они оказались одними из первых успешных металлургов: овладели искусством изготовления бронзовых, серебряных и медных изделий [12]. Причем для этого им пришлось создать развитую «дорожную сеть» по которой они доставляли на родину не только руду, но и многое другое, вплоть до топлива и даже булыжников, необходимых в строительстве и производстве. Помимо сферы производства, «реализованная» экспансионистская стратегия шумеров позволила им стать «первооткрывателями» в самых разных областях не только материальной, но и духовной культуры. Многими их «открытиями» социум пользовался и пользуется в большей или меньшей мере на всем протяжении истории. Среди них создание клинописи как более «прогрессивной» формы письменности по сравнению с иероглифами. Именно благодаря этому фактору шумеро-аккадскому языку удалось обрести

«статус дипломатического» (вслед за клинописью) в таких центрах Древности как Египет, Палестина, Сирия и др. (По сути дела это было «изобретение» письменности). Своеобразным «фундаментом» того, что принято называть «массовое производство» можно смело считать изобретение ими гончарного круга [8]. Достижения Шумеров в астрономии и математике (система счисления, кратная шести) до сих пор представлены в нашем календаре и измерении времени: год делится на 12 месяцев; сутки – на 24 часа; час – на 60 минут и т.п. Благодаря созданию ими прихрамовых библиотек и школ, Шумеры «изобрели» способ «транслирования знаний» между поколениями и закрепили их (знания) в достаточно надежных «базах данных» в форме глиняных таблиц [1]. Они стали одними из «пионеров» в области изобразительного искусства [13], а также (создав поэму о Гильгамеше), искусства художественной словесности. При этом важнейшим отличием их культурного и производственного наследия является то, что оно не было поглощено «пылью веков», подобно тому, как это произошло с наследием большинства других цивилизаций, возникших, в свое время, на берегах Инда и Ганга, Янцзы, Нила и т.д. Наследие цивилизации Междуречья Тигра и Ефрата стало во многом своеобразным «базисом» дальнейшего развития социума. На наш взгляд, это произошло, в первую очередь, именно благодаря той экспансионистской стратегии, которая была «изобретена» и воплощена Шумерами. Ее можно определить как «поликультурная», поскольку Шумеры были заняты «всегда» и «всем» (кроме военной области) [10; 11]. Даже такие древние «окупанты» Шумера как ассирийцы и аккадцы были успешно ассимилированы данной цивилизацией, «переработаны» ею и превратились в ее носителей и наследников, став своеобразным «мостом», переброшенным от Древнего Шумера в будущее. В связи с этим мы обнаруживаем еще один парадокс возникший уже не благодаря созданию и воплощению экспансионистской стратегемы Шумеров, а благодаря особенностями ее функционирования: не являясь изначальным («актуально») территориально – захватнически ориентированной, их экспансия, тем не менее оказалась таковой по сути в будущем, то есть «потенциально», распространив, в конечном счете, «свое влияние» на территорию почти всего земного шара, и тем самым став одним из основополагающих «столпов» (исходных оснований) мировой цивилизации.

Формообразующие клише экспансионизма: системы персидской империи и финской демократии

Прямо противоположная форма лидерства посредством воплощения иной экспансионистской стратегемы возникла в другой части Древнего Вос-

тока – в Древней Персии, в империи, созданной Ахеменидами. Ее справедливо было бы определить как «военно – политическая» форма. Именно благодаря ей формируется новый тип государственно-территориального устройства – империя. В свою очередь, мы полагаем, что для Древнего Мира парадоксальным следует признать сам факт (еще один парадокс (!)) возникновения в то время и при тех условиях империй как специфической формы бытия общества. Как и в случае с экспансионизмом Шумеров, для этого, на первый взгляд, не было никаких «объективных» условий [16]. (Отсутствовали «пути сообщения»; скоростные виды связи; первоначально не было (откуда взяться (!)) управленческого опыта такими колоссальными социальными монстрами).

При этом следует отметить, что Персы конечно же не были первым этносом, захватившим посредством войн громадные территории. Первенствовали они в другом, а именно: их империя, благодаря воплощению в жизнь их экспансионистской военно-политической стратегии, оказалась более успешной по сравнению с другими социальными образованиями, смогла в достаточной мере долго (более двухсот лет) просуществовать во времени. В этом плане можно утверждать, что персам, благодаря их военному экспансионизму, удалось «открыть» новую форму общественного устройства – «империю». Причем их империя впервые стала исторически-стабильным (более 20-ти десятков лет) образованием в силу того, что проживание в ее границах различных этнических групп было лучше, комфортнее, чем за ее пределами. Благодаря воплощению и успешному функционированию созданной персами военной экспансионистской стратегии, персы «изобрели» централизованно-федеративную форму устройства империй как устойчивых во времени социальных образований. В результате этого внутри громадного социального образования от границ Индии до Ливана чувствовало себя защищенным не только население этих гигантских территорий, но могли беспрепятственно перемещаться товары и другие грузы. «Центр» не только обеспечивал защиту и безопасность таких перемещений (прежде всего от грабителей), но и организовывал функционирование соответствующей «инфраструктуры» – «постоялых дворов» на которых можно было поменять перекладных лошадей. Именно «федеративная составляющая» позволяла различным этническим образованиям не чувствовать себя ущемленными, поскольку в таких областях как религия, культура, предпринимательство и т. п. «на местах» «делами управления» как и в «доимперские времена» ведали соответствующие этнические элиты. Как справедливо заметил когда-то Г. Гегель, их империя «в своем всеобщем единстве являлась союзом народов, который представлял объединенным народам

свободно существовать» [4, с. 176], а также см.: [6]. В данном контексте, в качестве примера, отметим еще одно проявление отмеченного ранее парадокса экспансионизма: самое ожесточенное сопротивление войскам Александра Великого оказали этнически близкие им греки, проживавшие в те времена на территории «имперской Персии».

Первоначально, как и в случае с этносом Междуречья, это древнее население Ирана было совершенно ничем не выдающимся социумом. На протяжении длительного времени они были угнетаемы мидянами и существенно уступали последним во всех областях. Но однажды (как здесь не вспомнить, с одной стороны, Л. Н. Гумилева, а, с другой стороны – «роль личности в истории») накопленная персами «этническая энергия» «выплеснулась и воплотилась» в персидского царя Кира II – величайшего политического и военного гения Персии. Именно его появление можно считать «точкой отсчета» и фундаментом персидской экспансионистской стратегии. Ее мы можем определить как «военно-политическая». Воплощение последней «в жизнь» первоначально позволило не только «сбросить иго» мидян, но и завоевав их страну, сделать последнюю «исходной точкой роста» гигантской империи. Тем самым здесь мы вновь обнаруживаем сочетание фактического отсутствия исходных «объективных», необходимых (казалось бы) для успешности материальных факторов с «завышенностью» целевых установок элиты, то есть ту самую, означенную выше парадоксальность возникновения и генезиса успешных систем экспансионизма.

Совершенно иного, «прямо-противоположного» плана система экспансионизма была сформирована древнегреческой демократией (и, прежде всего, афинской). Так же, как и в «истории» с Шумером и Персидой, казалось бы, для успешного экспансионизма у греков изначально фактически «ничего не было». Народонаселение ютилось в крошечных полисах, вокруг которых, как правило, не было сколь-нибудь значительных плодородных угодий, способных его прокормить; то же можно сказать о природных богатствах. Однако, в отличие от большинства государств Древнего Востока, в которых фактически отсутствовал класс собственников на средства производства (и, прежде всего, на землю), в древнегреческих полисах (и, в первую очередь, в Афинах) подобный класс не только существовал, он являлся подлинным фундаментом государства, как принято сегодня говорить, его «средним классом». Класс собственников по факту совпадал с «классом граждан». Последний включал в себя людей, наделенных не только правами, но и «естественной ответственностью», проистекающей из их образа жизни, из их экономической самостоятельности и, в данном контексте, из их независимости от «патерналистских» институтов и их притязаний (подобных древ-

невосточным государствам). Граждане-собственники могли позволить себе «нанимать» госчиновников, государство, для осуществления общезначимых, для данного социума, функций. Фактически жителями ряда греческих полисов была впервые в истории человечества апробирована новая оригинальная управленческая модель. В отличие от «традиционной» модели, устроенной по принципу: «от правителей – к их подданным», она имела противоположную ориентацию: «от граждан полиса – к органам государственного управления». Тем самым эта модель раскрепощала энергию этноса, делала граждан полиса подлинно свободными, создавала условия для потенциальной самореализации каждого гражданина [19]. Благодаря этому, в Афинах и некоторых других греческих городах-государствах, в определенной мере, был осуществлен принцип, обоснованный И. А. Беляевым и А. М. Максимовым: «Свобода целостного человека, выступающего в ипостаси социального индивида, ... зависит от свободы общества... С другой стороны, сама свобода общества проистекает из суммативной свободы своих членов» [2, с.139]. Подобное устройство государства обладало несомненными достоинствами: оно было «не дорогим», в силу того, что не позволяло себе расходовать «средства налогоплательщиков» на роскошь, строительство пирамид, грандиозных дворцов и иных подобных сооружений для услады правителей; государство было «компактным» (во всяком случае та его часть которую сегодня мы относим к «исполнительной власти»), в силу того простого факта, что для управления «гражданами», т.е. людьми самостоятельными и ответственными не нужны «чиновничьи армии»; благодаря этому, в свою очередь, государство было способно в короткие сроки решать большее количество проблем, т.е. отличалось «повышенной мобильностью» по сравнению с государством «традиционным» [27]. Помимо того, подобное государство отличалось еще и повышенной эффективностью в силу ротации кадров, в том числе, в случае их «недостаточной» результативности или работоспособности, коррупционности и т.п. [25].

Экспансионистская стратегема, воплощенная греками в жизнь, была «универсальной», т.е. носила «всеобъемлющий характер» [18]. Она позволила им превалировать в самых разных областях: и в области экономики, и в области культуры, и в освоении новых территорий, и в области военного искусства, и т.д. [26]. Произошло это, прежде всего, в силу того, что правящими элитами афинян была поставлена высочайшая цель – доминирования во всех областях. Что касается собственно универсальности системы экспансионизма, созданной афинянами, то о ней необходимо говорить в двух аспектах. С одной стороны, о многонаправленности, «всеобъемлемости» данной системы, что принципиально от-

личает ее от той же персидской. С другой стороны, мы имеем ввиду ее «всеобщий», «общемировой» (в историческом контексте) аспект. Иными словами греческая экспансионистская система стала специфическим «формообразующим клише» (как, впрочем, и противоположная ей экспансионистская система Персиды), «по типу» которого в историческом будущем были «порождены» системы экспансионизма таких государственных образований как Древний Рим, Генуя, Венеция, Нидерланды, Великобритания, США и др.

Справедливости ради, следует отметить, что экспансия греков в территориальной сфере во многом была «вынужденной». Тем, что время от времени крохотные города-государства оказывались объективно неспособны далее «кормить» увеличивающееся население. Это вынуждало греков активно заниматься колонизацией прибрежных территорий средиземноморско-черноморского бассейна [5]. Данный процесс носил диалектический характер, поскольку новые греческие поселения (особенно первоначально) способствовали не только дальнейшему развитию каботажного мореплавания (для обеспечения их необходимыми товарами), но и оказывали влияние на развитие фактически всех сфер «народного хозяйства» как метрополии, так и ее колоний, от бытовых ремесел до виноделия и ювелирного искусства.

«Колонизаторско-поселенческий экспансионизм» эллинов сопровождался их культурным экспансионизмом [20]. Последний был столь «эффективен», что «овладевал» даже теми народами, которым удавалось победить греков на поле брани. «Всемирным наследием» человечества стала греческая философия; греческая наука во многом предопределила возникновение и развитие классических наук; греческая литература, архитектура, театр, скульптура являются не только подобным же мировым наследием, но и, в определенной мере, «образцами для подражания» и, в данном контексте, также своеобразными клише для данных феноменов на всем протяжении развития истории человечества.

На наш взгляд, «порожденные» «греческим типом клише» государства являются принципиально экспансионистскими по своей сути. Они обязательно создают свои системы экспансионизма и не могут их не создавать (чаще всего в сферах техники, науки, внешнеэкономической области и т.д.). Таковой, например, сегодня является Объединенная Европа. «Действительно демократические» государственные образования без создания «экспансионистских систем», как правило, просто не в состоянии существовать и развиваться, поскольку как мы показали выше, «действительная» демократия возможна лишь при наличии «действительных» граждан [17], а они, в свою очередь, (как в Афинах когда-то), просто обязаны или обладать собствен-

ностью, или иметь устойчивые источники своих доходов (и, в первую очередь, за счет «подпитки», получаемой от других этносов и государственных образований) [23]. Этим подобные государства отличаются от «протрадиционных» социальных образований, «порождаемых» «проперсидским типом клише». Такие государства или их блоки могут как создавать, так и не создавать собственных доминантных стратегий и порождаемых ими систем. Чаще всего это доминирование (лидерство) в военной, либо идеологической (например, в религиозной) областях. В случае отсутствия «стратегии доминирования» вообще, такие государства, как правило, «впадают в спячку» на многие десятилетия или даже столетия, воспроизводя одни и те же качественные структуры. Таковыми, например,

были в прошлом многие государственные образования в долинах рек Янцзы и Ганга [22].

Заключение

Тем самым, в заключение нашей статьи, мы можем констатировать: действительно, две основных формы общественно-государственного устройства («традиционная» и «продемократическая») возникают еще на заре человеческой цивилизации, а зародившиеся в их рамках доминирующие структуры становятся двумя типами «порождающих клише» для различных государственных образований. Кроме того, выявленные нами в статье «парадоксы» возникновения и генезиса систем экспансионизма на самом деле имели (и имеют) место быть в истории человечества.

Литература

1. Беликов В. А. Валеев А. С., Гришин А. В. Профессиональное образование. Методология деятельности: монография. – М.: Владос, 2009. – 320 с.
2. Беляев И. А., Максимов А. М. Свобода целостного человеческого существа в социально-личностном измерении // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2011. – № 11. – С. 139–145.
3. Вильданова Г. Б., Вильданов Х. С., Дегтярев Е. В. Гносеологический анализ взаимоотношения понятий «истина» и «мудрость» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 33. – С. 99–105.
4. Гегель Г. В. Ф. – Соч. в 8-ми т. – М.; Л., 1935. – Т. 2. – 342 с.
5. Горохов П. А., Вялых В. В. Феномен прекариата как фактора управления государством (опыт социально-философского прочтения) // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 7. – С. 22–25.
6. Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Взгляд на глобализационные процессы сквозь призму гегелевского наследия // Сибирский философский журнал. – 2018. – Т. 16. – № 3. – С. 227–237.
7. Дегтярев Е. В. Единство объекта технического знания: некоторые особенности и аспекты // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 9 (103). – С. 4–8.
8. Дегтярев Е. В. К вопросу о структуре и некоторых особенностях технического знания // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 5 (99). – С. 11–16.
9. Дегтярев Е. В. Техническое мышление: аспект единства // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 29 (167) – С. 91–93.
10. Дегтярев Е. В., Дегтярева Е. Е. Гносеологическо-методологические основания психологических исследований социальных норм и девиаций в современном обществе // Социальные нормы в условиях современных рисков. Междун. научн.-практ. конф. (Челябинск, 18-19 мая, 2017). – Челябинск. – 2017. – С. 74–84.
11. Дегтярева Е. Е. Предметность психологического познания в классическом и неклассическом типах научной рациональности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 29 (167). – С. 80–83.
12. Деменев Д. Н. О логике художественного процесса // Философия и культура. – 2017. – № 12 (120). – С. 72–82.
13. Исаев А. А., Деменев Д. Н. Философско-художественные аспекты создания живописного произведения // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2016. – Т. 2. – С. 36–40.
14. Карпова Е. В. К понятию «социокультурное восприятие пространства в философско-правовых представлениях» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 1 (21). – С. 128–131.
15. Карпова Е. В. Онтологические основания социокультурного восприятия пространства // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 10 (116). – С. 65–67.
16. Карпова Е. В. Символические образы правового восприятия пространства // Политика и общество. – 2015. – № 6 (126). – С. 755–762.
17. Карпова Е. В. Формирование конституционного правосознания: воздействие объективных факторов // Право и политика. – 2016. – № 12. – С. 1525–1532.
18. Максимов А. М., Беляев И. А. Граница как мера целостности и свободы человека // Интеллект.

Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 10. – С. 30–33.

19. Максимов А. М., Беляев И. А. О нравственной многомерности свободы // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2015. – № 2. – С. 95–100.

20. Маркс, К. Сочинения : публицистика / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Тбилиси : Гос. изд-во полит. лит., 1981. – Т. 50. – 657 с.

21. Олимов К., Бажанов В. А., Марков Б. В., Максимов А. М., Рахматуллин Р. Ю., Беляев И. А., Тульчинский Г. Л., Некрасов С. Н., Столетов А. И. Самоопределение философа // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 3. – С. 98–113.

22. Слободнюк С. Л. Бытийная образность в космогоническом дискурсе // Art Logos. – 2019. – № 3 (8). – С. 6–20.

23. Слободнюк С. Л. Правовые доктрины и утопический дискурс (опыт историко-правового анализа) // Правовые доктрины современности: монография. – Костанай: ТОО «New Line Media», 2018. – С. 49–74.

24. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – М., 1991. – 640 с.

25. Тульчинский Г. Л., Миронов В. В., Марков Б. В., Рахматуллин Р. Ю., Максимов А. М., Бажанов В. А., Беляев И. А. Честное философствование // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – № 12. – С. 68–76.

26. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989, 482 p.

27. Keynes J. M. The end of Laissez Faire. London, 1927, 256 p.

References

1. Belikov, V. A. (2009) *Professional'noye obrazovaniye. Metodologiya deyatel'nosti : monografiy* [Professional education. Methodology of activity: monograph]. Moscow: Vldos, 320 p.

2. Belyaev, I. A., Maksimov, A. M. (2011) [Freedom of a holistic human being in the socio-personal dimension]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 11, pp. 139–145. (In Russ.).

3. Vildanova, G. B., Vildanov, H. S., Degtyarev, E. V. (2008) [An epistemological analysis of the relationship between the concepts of “truth” and “wisdom”]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. Vol. 33, pp. 99–105. (In Russ.).

4. Hegel, G.V.F. (1935) *Sochineniya v 8 tomakh* [Essays in 8 volumes]. Moscow; Leningrad. Vol. 2, 342 p.

5. Gorokhov, P. A., Vyalykh, V. V. (2016) [The phenomenon of precariate as a factor in government (the experience of socio-philosophical reading)]. *Obshchestvo: filosofiya istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. Vol. 7, pp. 22–25. (In Russ.).

6. Gorokhov, P. A., Yuzhaninova, E. R. (2018) [A look at globalization processes through the prism of the Hegelian heritage]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philosophy]. Vol. 16, No. 3, pp. 227–237. (In Russ.).

7. Degtyarev, E. V. (2009) [The unity of the object of technical knowledge: some features and aspects]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 9 (103), pp. 4–8. (In Russ.).

8. Degtyarev, E. V. (2009) [On the structure and some features of technical knowledge]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 5 (99), pp. 11–16. (In Russ.).

9. Degtyarev, E. V. (2009) [Technical thinking: the aspect of unity]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. Vol. 29 (167), pp. 91–93. (In Russ.).

10. Degtyarev, E. V., Degtyareva, E. E. (2017) [The epistemological and methodological foundations of psychological research of social norms and deviations in modern society]. *Sotsial'nyye normy v usloviyakh sovremennykh riskov. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Social norms in the conditions of modern risks. Materials of the International scientific-practical conference]. Chelyabinsk State University. pp. 74–84. (In Russ.).

11. Degtyareva, E. E. (2009) [The subjectivity of psychological knowledge in the classical and nonclassical types of scientific rationality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. Vol. 29 (167), pp. 80–83. (In Russ.).

12. Demenev, D. N. (2017) [On the logic of the artistic process]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. Vol. 12 (120), pp. 72–82. (In Russ.).

13. Isaev, A. A., Demenev, D. N. (2016) [Philosophical and artistic aspects of the creation of a painting]. *Aktual'nyye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Actual problems of modern science, technology and education]. Vol. 2, pp. 36–40. (In Russ.).

14. Karpova, E. V. (2011) [To the concept of “sociocultural perception of space in philosophical and legal representations”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod

University. N. I. Lobachevsky]. Series: Social Sciences. 2011. Vol. 1 (21), pp. 128–131. (In Russ.).

15. Karpova, E. V. (2010) [Ontological foundations of the sociocultural perception of space]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. Vol. 10 (116), pp. 65–67. (In Russ.).

16. Karpova, E. V. (2015) [Symbolic images of the legal perception of space]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society]. Vol. 6 (126), pp. 755–762. (In Russ.).

17. Karpova, E. V. (2016) [The formation of constitutional justice: the impact of objective factors]. *Pravo i politika* [Law and Politics]. Vol. 12, pp. 1525–1532. (In Russ.).

18. Maksimov, A. M., Belyaev, I. A. (2016) [Border as a measure of human integrity and freedom]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 10, pp. 30–33. (In Russ.).

19. Maksimov, A. M., Belyaev, I. A. (2015) [On the moral multidimensionality of freedom]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 95–100. (In Russ.).

20. Marx, K. (1955) *Sochineniya v 50 tomakh. Tom 1* [Works in 50 vol. T. 1]. 2nd ed. Moscow: Publishing house of political literature. 698 p.

21. Olimov, K., Bazhanov, V. A., Markov, B. V., Maksimov, A. M., Rakhmatullin, R. Yu., Belyaev, I. A., Tulchinsky, G. L., Nekrasov, S. N., Stoletov, A. (2019) [The self-determination of a philosopher]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 3, pp. 98–113. (In Russ.).

22. Slobodnyuk, S. L. (2019) [Existence in cosmogonic discourse]. *Art Logos* [Art Logos]. – Vol. 3 (8), pp. 6–20. (In Russ.).

23. Slobodnyuk, S. L. (2018) [Legal doctrines and utopian discourse (experience of historical and legal analysis)]. *Pravovyye doktriny sovremennosti: monografiy* [Legal Doctrines of the Present: Monograph]. Tambov; Kostanay, pp. 49–74. (In Russ.).

24. Toynbee, A. J. (1991) *Postizheniye istorii* [Comprehension of History]. Moscow, 640 p.

25. Tulchinsky, G. L., Mironov, V. V., Markov, B. V., Rakhmatullin, R. Yu., Maksimov, A. M., Bazhanov, V. A., Belyaev, I. A. (2017) [Honest philosophizing]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 12, pp. 68–76. (In Russ.).

26. Habermas, J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere*. Cambridge, 482 p.

27. Keynes, J. M. (1927) *The end of Laissez. Faire London*, 256 p.

Информация об авторе:

Евгений Владимирович Дегтярев, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой экономики, управления и права, Магнитогорский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Магнитогорск, Россия
e-mail: filos.magnit@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 25.02.2020; принята в печать: 28.04.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Evgeny Vladimirovich Degtyarev, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economics, Management and Law, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Magnitogorsk Branch), Magnitogorsk, Russia
e-mail: filos.magnit@yandex.ru

The paper was submitted: 25.02.2020.

Accepted for publication: 28.04.2020.

The author has read and approved the final manuscript.